

вратительном городе, в особенности для художника. Парижанки, хотя без души, но милы и приветливы (в роде полек), парижанин же — самое отвратительное животное (animal) в мире. Но оставим все это. При свидании изустно лучше передам мои впечатления. Скоро надеюсь вырваться из этого проклятого Вавилона».

Так разные душевные прискорбия, испытанные им в жизни, и расстроенное здоровье постепенно убивали в последние годы могучую душу гениального русского художника.

М. И. ЖЕЛЕЗНОВ

ВОСПОМНАНИЯ О М. И. ГЛИНКЕ

Незадолго до отъезда за границу К. П. узнал, что М. И. Глинка возвратился из Испании в Петербург, и с нетерпением ждал его к себе, но Глинка не торопился посетить его. Невнимание Глинки было чувствительно Брюллову, и у него не раз вырывались слова:

— Я думал, что Глинка меня больше любит.

Свидание Брюллова и Глинки состоялось без меня, но на другой день после него, только что я вошел в мастерскую, Брюллов сказал мне:

— Вчера у меня был Глинка¹.

В Париже², известный актер В. В. Самойлов, познакомил меня с Глинкою, Глинка за что-то полюбил меня, приглашал меня к себе обедать, а, наконец, требовал, чтобы я всякий день хоть на минуту заходил к нему. Он заставлял меня рисовать портреты с приходивших к нему приятелей, с живших у него француженок, был очень доволен, что я, по его желанию, охотно брался за карандаш, и пресерьезно говорил, что он у себя дома от всех требует безусловного повиновения, потому что «любит спрягать Николая Павловича». Однажды за обедом разговор зашел о Брюллове, и кто-то сказал, что у него было сухое сердце.

— Некоторое время я думал то же самое, — отвечал Глинка, — но впоследствии я начал сомневаться в этом. Я часто сходился с Брюлловым и при нем у Кукольника, сказал, что представить меня к карикатуре было невозможно. Брюллов слова мои замотал себе на ус и сделал на мои жесты ряд карикатур, которые задели меня за живое. Заметив это, Брюллов так зло стал преследовать меня своими карикатурами, что я совершенно охладел к нему. Но потом, когда его племянница выходила замуж, он приехал ко мне, просил меня съездить с ним к Вирту, выбрать для него фортепиано, и так хлопотал все хорошо придумать, чтобы подарок доставил племяннице удовольствие, что я невольно подверг сомнению его сухость сердца. Но вот что меня поразило и тронуло. По приезде из Испании я сделал Брюллову визит и просидел с ним довольно долго. При прощании Брюллов сказал мне: «Ну, я скоро уеду отсюда умирать и тебя, верно, более не увижу. Я часто досаждал тебе; но ты забудь это: я очень хорошо понимал, что изо всех людей, которые здесь меня окружали, только ты один был мне брат по искусству». Я не выдержал, бросился ему на шею и мы оба прослезились [...]